

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

2 (80)

Апрель – Май – Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2023

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

акад. РАН *Х.А. Амирханов* (председатель, Москва),

акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),

член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),

проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),

акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),

проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),

д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),

проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),

проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн),

д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),

к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),

д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),

д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),

д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),

д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2023
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2023
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2023

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2023), 16–31
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2023), 16–31
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-2-80-16–31

НАСКАЛЬНЫЕ РЕЛЬЕФЫ ЧЬЯПАСА
(ЮГО-ВОСТОЧНАЯ МЕЗОАМЕРИКА)
СРЕДНЕФОРМАТИВНОГО ПЕРИОДА (X–IV вв. до н.э.)

Д.Д. Беляев

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук, Москва, Россия*

E-mail: lakamha@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6609-2302

В статье анализируются наскальные рельефы ольмекского стиля, происходящие с территории Чьяпаса и датирующиеся среднеформативным временем (X–IV вв. до н.э.), – рельеф из Шока (бассейн р. Цаконеха, департамент Окосинго) и рельефы из Пихихиапана (Тихоокеанское побережье). Изображение на рельефе из Шока, представляющее сверхъестественного персонажа-правителя, несущего в руке сверток со стеблем и початками кукурузы, может быть связано с панмезоамериканским мифологическим мотивом о происхождении кукурузы, которая была скрыта в скале. Рельефы из Пихихиапана изображают различные мотивы, среди которых центральный может быть интерпретирован как получение права на власть от местного женского божества или женщины-прапредка. Предложенные трактовки семантики рельефов из Шока и Пихихиапана вкупе с их местоположением предполагают их связь с ритуальными практиками, отличными от тех, которые известны по археологическим материалам в среднеформативных центрах (Чьяпаде-Корсо, Ла-Либертад, Ла-Бланка, Наранхо, Каминальхуйю, Эль-Портон, Сейбаль и др.), и были связаны с установкой стел. Ядром концепции стелы была идея обновления власти правителя в ходе календарных церемоний, которые происходили в искусственном ландшафте. Изображение покровителя плодородия на удаленной от поселений скале в Шоке, вероятно, было местом его почитания для более широкой культурной группы, чем обитатели одного вождества или общинного объединения. Скальные выходы в Пихихиапане, очевидно, были священным природным местом, куда вожди приходили для проведения специфических церемоний получения или подтверждения власти.

Ключевые слова: Мезоамерика, среднеформативный период, наскальные рельефы, культ предков, этническая семиотика

Данные об авторе. Дмитрий Дмитриевич Беляев – кандидат исторических наук, доцент Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова исторического факультета РГГУ, старший научный сотрудник ИЭА РАН.

Статья подготовлена в рамках госзадания Минобрнауки РФ, проект № 075-00870-23-00 «Историческая динамика традиционных культур в переходные эпохи: этносемиотические особенности перехода и механизмы передачи знаний».

Раннее искусство Юго-Восточной Мезоамерики (Чьяпас, тихоокеанское побережье Гватемалы и Сальвадора, Гватемальское нагорье) представляет собой один из примеров формирования поликультурного пространства на обширном пограничье (рис. 1). Первым компонентом выступали традиции «нуклеарной» Мезоамерики, связанные с культурами зоны побережья Мексиканского залива, прежде всего ольмекской, и горной Мезоамерики. Второй компонент – яркие и самобытные традиции Центральной Америки¹. В результате этого взаимодействия появлялись необычные, синкретические формы, сочетающие разнородные черты.

Обширный корпус монументальной скульптуры доклассической Юго-Восточной Мезоамерики крайне разнообразен. Он включает в себя как традиционные формы – антропоморфные изваяния, стелы, плоские и зооморфные алтари², так и уникальные, свойственные либо этому региону, либо Центральной Америке, такие как «пузатые скульптуры»³, антропоморфные и зооморфные скульптуры на базе-колонне или пьедестале⁴, резные головы ягуаров⁵ и др. В то же время использование в раннем искусстве Юго-Восточной Мезоамерики природных скальных образований (утёсов, скальных выходов, или отколовшихся скал) для нанесения изображений ритуального или церемониального характера встречается достаточно редко, что разительно контрастирует с традицией Чалькацинго (штат Герреро, Мексика), где склоны горы Серро-Кантера были украшены множеством наскальных рельефов⁶.

Наскальные рельефы, расположенные в горном и прибрежном Чьяпасе (Мексика), а также в предгорьях Гватемалы и в Сальвадоре, широко датируются концом II – второй половиной I тыс. до н. э., но в основном относятся к среднеформативной фазе (1000–350 гг. до н.э.)⁷. В данном исследовании мы сосредоточимся на памятниках, расположенных на территории Чьяпаса (Шок и Пихихиапан).

НАСКАЛЬНЫЙ РЕЛЬЕФ ИЗ ШОКА

Археологический памятник Шок расположен в муниципалитете Окосинго, штат Чьяпас, на высоте около 1000 м над уровнем моря, на высокой террасе к западу от неподалеку от Арройо-Чамуйиль, одного из притоков р. Цаконеха. Информацию о наскальном рельефе из Шока впервые получил мексиканский археолог Э.Х. Паласьос в 1926 г. во время комплексной археолого-этнографической экспедиции в штате Чьяпас, организованной мексиканским правительством. Один из местных землевладельцев сеньор Альборес сообщил исследователю, что рядом

¹ Дэвлет 2000.

² Miles 1965; Graham 1982; Parsons 1986 (последний обзор, несмотря на прошедшее время, не утратил свою ценность до сих пор); Давлетшин 2006; Беляев 2012; Guernsey 2012, 2020.

³ Беляев 2021.

⁴ Дэвлет 2000, 145–149.

⁵ Paredes 2014.

⁶ Grove 1968; 2000; Cyphers Guillen 1982.

⁷ Boggs 2011; Ekholm-Miller 1973; Graham 1982; Navarrete 1969; 1974; Orrego Corzo, Schieber de Lavarreda 2001; Wolley 2002.

Рис. 1. Карта Юго-Восточной Мезоамерики с основными памятниками среднеформативной фазы

Fig 1. Map of Southeastern Mesoamerica with principal Middle Formative sites

с финкой Эль-Порвенир и ранчо Чак находится «доколумбова фигура, вырезанная на скале» (“una figura precolombina grabada en las reñas”)⁸. Один из участников экспедиции, писатель и журналист Б. Травен позднее, в 1928 г., добрался до места и сфотографировал рельеф. В 1928 г. рельеф обследовала экспедиция Тулэйнского университета памяти Джона Геддингса Грея. Франц Блом назвал ранчо, около которого располагался памятник, «Шак» (“El Xac (Shak)”) и связал его с культурой майя, описав как «майяский тигринный (ягуарий. – Д.Б.) бог, вырезанный на скале»⁹. Эта первичная интерпретация Блома получила широкое распространение и доминировала вплоть до 1960-х гг.

В 1957 г. Блом и его супруга Г. Дюби связали рельеф с расположенным рядом археологическим памятником, которому дали современное название Шок: «Между Мартиникой и Порвениром. Различные руины зданий, каменные насыпи. Фигура жреца или бога-тигра, нанесенная на скалу»¹⁰.

В середине 1950-х гг. рельеф был сфотографирован коммерсантом и любителем древностей В. Корданом во время путешествия по штату Чьяпас. С этими фотографиями ознакомился М. Ко, который идентифицировал стиль изображения не как майя, а как ольмекский. Он показал эти фотографии американской исследовательнице С. Экхольм-Миллер, работавшей в Чьяпасе в

⁸ Цит. по: Ekholm-Miller 1973, 1.

⁹ Цит. по: Ekholm-Miller 1973, 1.

¹⁰ Blom, Duby 1957, 243.

проекте Археологического фонда Нового Света под руководством Г. Лоу. В 1968 г. она провела первое краткое обследование памятника. Вторая экспедиция в июне 1972 г. выявила, что рельеф был полностью уничтожен. Грабители скололи около 30 см скальной поверхности, не оставив ни следа от изображения¹¹. В 2014 г. рельеф был идентифицирован во Франции. Он находился в частной коллекции, и после смерти ее владельца наследники решили выставить его на аукцион. При участии Интерпола правительству Мексики удалось остановить продажу и после переговоров с европейскими и французскими властями вернуть его в страну, в настоящее время он находится в коллекции Национального музея антропологии (Мехико)¹².

Рельеф располагался на вертикальной стене отвесного скального выступа, ограничивающего памятник с юго-запада. Высота изображения составляла около 2,2 м (7 футов). Антропоморфная мужская фигура представлена в профиль и шагает направо (рис. 2, а). На голове высокий головной убор в виде тюрбана, украшенный сверху символом в виде появляющегося перевязанного кукурузного початка (мотив 88 по Джоралемону¹³), передняя часть убора украшена элементом в виде пера, в нижней части виден косой крест (мотив 99 по Джоралемону¹⁴). Подобные головные уборы с косым крестом часто встречаются в среднеформативной иконографии и как правило, обозначают вождей (рис. 2, б, в). Из ушей свешиваются длинные изогнутые ушные вставки, очевидно, из ткани, а не из твердых материалов. Одежда включает набедренную повязку и небольшую квадратную юбочку. Запястья и щиколотки прикрыты браслетами, а ступни изображены в виде когтистой лапы хищной птицы.

Особенно интересны объекты, которые персонаж держит в руках. Правая рука опущена вниз и сжимает рукоятку вероятного жезла. Как отмечает Экхольм, на фотографиях этот предмет выглядит как нож с зубчатыми элементами, однако сравнение с фотографиями, сделанными Б. Травеном в 1928 г., по ее мнению, свидетельствует, что эти детали были процарапаны позднее¹⁵. К. Таубе полагает, что это «маисовый фетиш» – стилизованное изображение кукурузного початка, завернутого в пучок из перьев кецаля¹⁶.

Левая рука согнута в локте и прижимает к телу большой объект с закругленным верхом, перевязанный тремя горизонтальными полосами, внутри которого – кукурузный стебель с четырьмя початками. Его верхушка украшена символом в виде трилистника, который в иконографии среднеформативной Мезоамерики связан с земледелием и плодородием¹⁷. Экхольм считала данный объект свёртком или пластиной¹⁸, а Таубе предположил, что это изображение стелы¹⁹, однако версия со свёртком выглядит более убедительной, несмотря на его действительно необычный вид.

¹¹ Ekholm-Miller 1973, 2.

¹² El bajorrelieve de Xoc n.d.

¹³ Joralemon 1971, 13.

¹⁴ Joralemon 1971, 14.

¹⁵ Ekholm-Miller 1973, 12–13.

¹⁶ Taube 1996, 71–72, 75.

¹⁷ Taube 1996, 39–41.

¹⁸ Ekholm-Miller 1973, 13.

¹⁹ Taube 1996, 75.

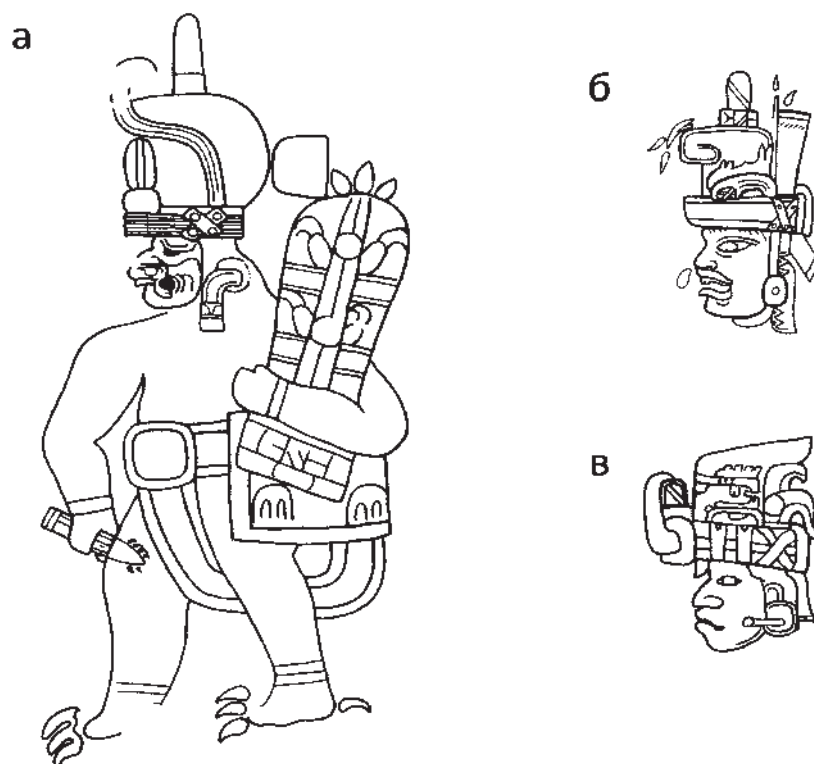

Рис. 2. Рельеф из Шока (по: Таубе 2006): *a* – прорисовка изображения; *б* – головной убор правителя с крестом, фрагмент изображения на резном сланцевом кельте из Симоховеля; *в* – головной убор правителя с крестом, фрагмент изображения на жадовом кельте
 Fig. 2. Xoc relief (after Taube 2006): *a* – image drawing; *b* – ruler's headdress with pairs of crossed bands, detail of incised slate celt from Simojovel, Chiapas; *c* – headdress with crossed-band lashing, detail of carved jadeite belt celt

В историографии присутствуют различные версии того, кого изображает рельеф из Шока. Как уже указывалось, первоначально преобладала точка зрения Блома, что это человек-ягуар. Экхольм выделила у фигуры антропоморфные черты (лицо, прикрытое маской в виде птичьего клюва, птичьи когти) и сравнила его с изображениями из Чалькацинго, со стелой в ольмекском стиле из Амуко (штат Герреро, Мексика), изображающей человека в маске птицы²⁰. Таубе отказался от однозначной идентификации персонажа, обозначив его просто как «шагающая сверхъестественная фигура»²¹. М.Э. Миллер же считает, что это изображение ольмекского правителя, несущего узел²². Однако кого бы ни изображал рельеф, это существо несомненно выступает как покровитель плодородия и изобилия, который несет в руках свёрток с маисовым стеблем. Размещение этого образа на скале может быть связано с общемезоамериканским мифологическим мотивом

²⁰ Ekholm-Miller 1973, 12, 15.

²¹ Taube 2006, 44.

²² Miller 2019, 49, 51.

происхождения кукурузы, которая была скрыта в скале, а затем добыта богом-громовиком или культурным героем. Этот мотив каталогизирован как «G3. Скала изобилия» («Культурные растения или плодородная почва для их выращивания скрыты внутри скалы. Птицы или Громы пробивают в скале отверстие») в аналитическом каталоге мифологических мотивов Ю.Е. Березкина и крайне широко представлен в Мезоамерике (уастеки, тотонаки, астеки и другие группы науа, включая пипилей Сальвадора, соке, шинка, а также большое число народов майя, в том числе цельталей, киче, ишилей, мочо, покомчи, кекчи, мопанов, хакальтеков, мамов и какчикелей)²³. У других индейских групп этот мотив засвидетельствован лишь у криков (юго-восток США) и кабекар (Гондурас и Панама), что позволяет считать его специфически мезоамериканским.

М. Ко был первым из мезоамериканистов, кто обозначил рельеф из Шока как «ольмекский», и эта идентификация общепринята в литературе²⁴. Но следует признать, что в данном случае речь идет не о непосредственно ольмекской археологической культуре, от ареала которой Шок отстоит достаточно далеко, а о широко понимаемом ольмекском или «ольмекоидном» стиле, характеризующем различные общества Мезоамерики последней четверти II – середины I тыс. до н.э. К сожалению, точная датировка рельефа неизвестна. Стилистически он относится к среднеформативной фазе.

Археологические исследования руин на террасе у подножия скалы с рельефом также не дали точной информации. Небольшой ручей Шок делит памятник на две части. Северная группа занимает вершину холма высотой около 17 м, возможно, искусственно модифицированного в древности. На нем располагаются руины двух каменных построек (высотой 3 и 2 м), а также площадка для игры в мяч. В Южной группе, отделенной ручьем, сохранилось около 10 насыпей, образующих 2 двора. Пространство между двумя основными группами, по свидетельству Экхольм, содержит большое число оснований жилых построек²⁵. Таким образом, памятник представляет собой остатки поселения среднего ранга с двумя архитектурными ядрами и прилегающей жилой зоной. В то же время следует отметить, что на нем нет никаких построек, соответствующих формальным церемониальным комплексам среднеформативного времени (среднеформативные комплексы Усумасинты или MFU, среднеформативные комплексы Чьяпаса или MFC, среднеформативные комплексы Грихальвы или MFG)²⁶. Наличие стадиона для игры в мяч с каменной облицовкой свидетельствует о том, что основная архитектура относится уже к I тыс. н.э. Подъемный материал, собранный в Северной группе, датируется позднеклассическим периодом (VII–IX вв.). В 1972 г. было заложено два шурфа в Южной группе. Полученный керамический материал относился ко второй половине фазы Чиапа IIIВ (Эскалера, 750–400 гг. до н.э.) и фазе Чиапа IV (Франсеса, 400–150 гг. до н.э.). Соответственно, Южная группа, несомненно, функционировала раньше, чем Северная, однако все равно датируется уже второй половиной I тыс. до н.э., что представляется слишком поздним для рельефа по стилистическим соображениям.

²³ Березкин, Дувакин б.г., G3.

²⁴ Ekholm-Miller 1973; Lowe 1994, 125; Taube 2006, 44.

²⁵ Ekholm-Miller 1973, 5–8, Fig. 3.

²⁶ Inomata et al. 2021.

РЕЛЬЕФЫ ИЗ ПИХИХИАПАНА

Комплекс ранних наскальных рельефов располагается также на тихоокеанском побережье Чьяпаса, близ города Пихихиапан. В 1968 г. группа исследователей из Археологического фонда Нового Света под руководством К. Наваррете при помощи местных жителей обнаружила три наскальных изображения в зоне скальных выходов в 1 км к западу от р. Пихихиапан. Основные изображения были высечены на больших гранитных глыбах, отколовшихся от основного массива, в технике барельефа, дополнительные детали были процарапаны²⁷.

Камень 1 был, несомненно, выбран из-за своей правильной формы, напоминающей стелу. Он выходит из земли на 2,95 м и имеет ширину 2,23 м. На северо-западной плоскости высечено три человеческих фигуры в профиль (рис. 3).

При анализе сцены прежде всего бросаются в глаза различия в одеяниях. Центральный персонаж носит пояс и набедренную повязку, а ноги двух других закрыты длинным подолом. Наваррете полагал, что это плащи²⁸, поскольку на рельефе обозначены ноги персонажей. Однако подобные «рентгеновские» изображения не являются чем-то необычным для мезоамериканского искусства, поэтому представляется более вероятным, что так изображены юбки, и перед нами сцена с участием мужчины и двух женщин. В пользу этого говорит и наблюдение Таубе, что у крайней левой фигуры обозначена грудь²⁹.

Все персонажи имеют высокий статус, о чем говорят сложные головные уборы и пекторали на груди у фигур справа. Головные уборы, очевидно, представляют собой длинную ленту, обернутую вокруг головы, конец ленты свешивается почти до пояса. Головной убор центральной фигуры был увенчан элементом в виде человеческой головы, скорее всего личиной молодого бога маиса, так что нет сомнений, что перед нами вождь³⁰. В левой руке он держит объект, который Наваррете идентифицирует как церемониальный кастет (исп. *manopla*).

Были предложены различные интерпретации данной сцены. Так, Г. Лоу полагал, что это сцена конфронтации или встречи правителей, а р. Пихихиапан служила границей между двумя прибрежными политиями³¹. Прочие исследователи ограничивались констатацией того, что перед нами групповая сцена или «серия взаимодействующих фигур»³².

Без сомнения, перед нами сцена взаимодействия: мужчина и женщина, стоящие справа, обращаются ко второй женщине. Наиболее активная коммуникация идет между вождем и женщиной слева. Вождь протягивает правую руку вперед, как будто получая что-то, а женщина подняла левую руку с вытянутым указательным пальцем, словно отдавая приказ.

Аналогичный жест встречается на позднеформативной майяской стеле 1 из Накбе (Северный Петен, Гватемала), которая изображает две фигуры в богатом убранстве, стоящие друг напротив друга (рис. 4). Персонаж справа – правитель,

²⁷ Navarrete 1969, 1974.

²⁸ Navarrete 1974, 1.

²⁹ Taube 2006, 108.

³⁰ О личине бога маиса как символе власти в ольмекских вождествах см.: Tabe 1996.

³¹ Lowe 1994.

³² Guernsey 2020, 38.

Рис. 3. Прорисовка рельефа на камне 1 из Пихихиапана (по: Navarrete 1974)
Fig. 3. Drawing of the relief on Pijjiapan Stone 1 (after Navarrete 1974)

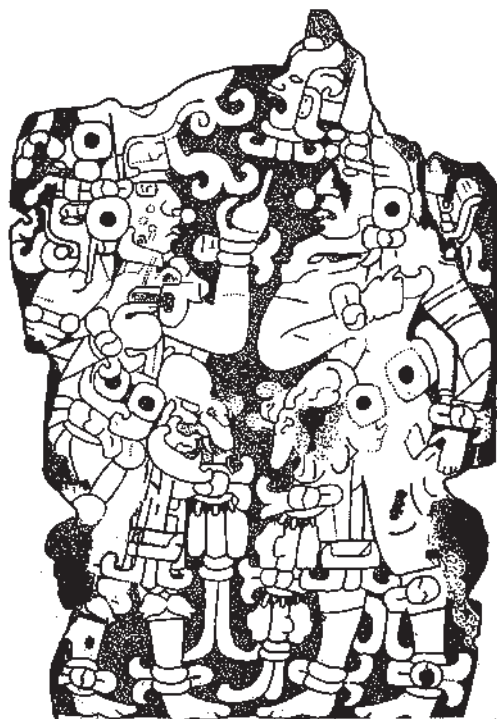

Рис. 4. Стела 1 из Накбе (Петен, Гватемала) (по: Miller 2019)
Fig. 4. Stela 1, Nakbe (Peten, Guatemala) (after Miller 2019)

Рис. 5. Камень 2 из Пихихиапана. Линии рельефа прорисованы мелом (по: Наваррете 1974)

Fig. 5. Pijijiapan Stone 2 with carved designs outlined with chalk (after Navarrete 1974)

о чем свидетельствует головной убор с головой «бога-шута», пояс, украшенный маской божества или предка со свешивающимися подвесками из жада. Он прижимает руку к груди в жесте внимания и подчинения. Перед ним стоит указывающий мужчина, однако ему присущи черты обожествленного предка (квадратный глаз, «римский» нос и др.). Это характерный для официального искусства Мезоамерики мотив передачи власти. Как правило, справа изображается персонаж более высокого ранга или старший, в то время как в сценах в ином мире иерархия персонажей выглядит наоборот³³.

Ключ к пониманию смысла сцены на камне 1 из Пихихиапана – характерная черта женского персонажа слева. У ее тазовой области изображен элемент, напоминающий веревку, сначала спускающуюся вниз, а потом изгибающуюся кверху и заканчивающуюся утолщением, напоминающим змеиную голову. Этот элемент может быть интерпретирован двояко. С одной стороны, он напоминает «змеиный пояс», который носит бог дождя на стеле 1 из Исапы (IV–II вв. до н.э.). В таком случае перед нами может быть владычица дождя, чей атрибут – змеиная юбка (ср. с астекской богиней Коатликуэ, «Та, у которой юбка из змей»). С другой стороны, как отметила при обсуждении данного рельефа Г.Г. Ершова, этот элемент напоминает пуповину, символизирующую идею предков по женской линии и

³³ Давлетшин 2006, 156–157.

родства³⁴. Возможно, в Пихихиапане мы наблюдаем слияние двух мотивов – пуповины и змеинового пояса. Однако какая бы из версий ни была верна, ясно, что камень 1 передает мотив получения власти вождем (центральная фигура) и его супругой (женская фигура справа) от женского предка (женская фигура слева).

Камень 2 представляет собой большой фрагмент скалы, на который нанесены пять различных изображений (рис. 5). Общие размеры камня неизвестны, площадь, занятая рельефами, – 6,1 м в длину и 2 м в высоту. Все изображения (рисунки А–Е) имеют различные размеры и, судя по всему, одновременны.

Рисунок А (85 × 73 см) не завершен. Это профиль сверхъестественного существа с загнутым вниз носом и расколотой надвое головой. В искусстве формативного периода расколотая голова обычно обозначает бога маиса³⁵.

Рисунок В (1,27 × 1,65 м) – еще одна групповая сцена. Три человека изображены в профиль, стоящими перед вертикальной плоскостью. Центральный персонаж – самый высокий, носит маску на лице и высокий головной убор. На его груди, вероятно, висит пектораль, из одежды – набедренная повязка. Согнутой в локте правой рукой он прижимает к телу сверток. Уборы двух других персонажей проще – это просто полосы ткани, обернутые вокруг головы. Все трое смотрят на высокую вертикальную плоскость. По мнению Наваррете, это дерево (см. реконструкцию сцены мелом на его фотографиях). Однако для иконографии I тыс. до н.э. несвойственны изображения церемоний, проводимых перед деревьями. Возможно, в данном случае речь идет не о дереве, а о скале или горе. Судя по расположению фигур (персонажи справа, а объект почитания – слева), перед нами сцена в человеческом мире. Возможно, что речь идет об изображении посещения самих скал в Пихихиапане.

Рисунок С (1,12 × 0,45 м) – второй профиль. Это бог маиса с ягуарьими чертами в высокой цилиндрической короне, увенчанной пучком, из которого появляется прорастающий кукурузный початок. Задняя часть короны украшена элементом в виде повернутой влево буквы Е.

Два последних рисунка были не закончены.

Рисунок D (0,85 × 0,35 м) изображает человека в профиль, смотрящего вправо, в высоком уборе, напоминающем убор с рисунка В. Нижняя часть тела не прорезана.

Рисунок Е (1,09 × 0,8 м) был лишь намечен процарапанными линиями. Он изображает сидящего человека, смотрящего влево. Его правая рука, держащая какой-то предмет, поднята вверх. Судя по технике, это самое позднее изображение на камне 2.

Расположение рисунков В и С на самых ровных плоскостях скалы и их наибольшая проработанность позволяет предположить, что они были главными и, возможно, самыми ранними изображениями на камне 2. Рисунок 2 по своему содержанию близок изображению на камне 1 и изображает либо сюжет получения власти, либо церемониальную сцену, может быть, имевшую место на самом

³⁴ Символика пуповины и ее связь с идеей кровного родства, мифической прародины и культа предков как часть семантической структуры «веревка – змея – пуповина – родство по крови» была рассмотрена Г.Г. Ершовой при этносемиотическом анализе искусства Исапы позднеформативного времени (IV–I вв. до н.э.) (Ершова 2000, 277–286).

³⁵ Taube 2006.

памятнике. Позднее к этим двум изображениям были добавлены рисунки А и D, а самым последним был намечен рисунок Е.

Камень 3 имеет 5,9 м в длину и 1,9 м в высоту. Рельеф занимает чуть больше его половины (3 м в длину) и довольно сильно поврежден эрозией³⁶. Он изображает ящероподобное существо. Его идентификация как игуаны, предлагаемая Наваррете, сомнительна, поскольку в мезоамериканской иконографии отличить игуану от крокодила или других мифических ящеров довольно сложно. Скорее всего, на камне 3 представлен крокодил или мифическое чудовище, смесь крокодила и амфибии, образ которого играет важную роль в искусстве Юго-Восточной Мезоамерики (ср. стелы 6, 11, 14, 25 из Исапы, скульптура 2 из Каминальхуйю и др.).

Так же, как и в случае с Шоком, рельефы из Пихихиапана не ассоциируются с крупным поселением, лишь в 50 м к востоку от камня 1 была обнаружена небольшая постройка³⁷. Для датировки памятника археологами было заложено четыре шурфа. Весь керамический материал, обнаруженный в шурфах 3 и 4 (у краев постройки), относился к поздней фазе постклассического периода (1250–1524 гг.). Керамика из шурфов 1 и 2 (у основания камней 1 и 2), несмотря на сильную эрозию, была отнесена к фазам Куадрос и Хокоталь, между 1200 и 850 гг. до н.э.³⁸ В настоящее время эти фазы датируются более ранним временем (1300–1200 и 1200–1000 гг. до н.э. соответственно). В то же время датировка XIII–X вв. до н.э. – слишком ранняя по стилистическим аргументам. Парсонс относит рельефы из Пихихиапана к «позднеольмекскому этапу» развития монументальной скульптуры (IX–VIII вв. до н.э.)³⁹, в то время как Таубе помещает их в самый конец среднеформативной фазы, между 600 и 300 гг. до н.э.⁴⁰

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рельефы из Шока и Пихихиапана, несмотря на свой несомненный ольмекский стиль, находятся за пределами ареала ольмекской археологической культуры, ограниченной побережьем Мексиканского залива (Ольман). Несмотря на отсутствие точных датировок, стилистически они относятся к среднеформативному периоду, когда среди ольмекских вождеств доминировала Ла-Вента⁴¹. В то же время чьяпасские памятники резко отличаются от собственно ольмекских тем, что расположены вдалеке от каких-либо политических центров. В этом смысле они схожи с наскальной росписью «Дьябло-Рохо» близ оз. Атитлан на Гватемальском нагорье⁴².

Появление и распространение каменной монументальной скульптуры в Юго-Восточной Мезоамерике было связано с переходом от автономных деревенских сообществ к вождествам в середине II тыс. до н.э. В ольмекской культуре вторая половина раннеформативной фазы (1500–1000 гг. до н.э.) характеризуется гигантскими каменными головами предков вождей (Сан-Лоренсо, Ла-Вента,

³⁶ Navarrete 1974, 3.

³⁷ Navarrete 1974, 1, 3.

³⁸ Navarrete 1974, 5, 7.

³⁹ Parsons 1986, 90, 121.

⁴⁰ Taube 2006, XV.

⁴¹ Беляев 2012, 13–14.

⁴² Хохрякова, Фахри 2011.

Трес-Сапотес) и алтарями/тронами, изображающими носителей власти⁴³, а также различными антропоморфными и зооморфными изваяниями. В то же время культуре мокайя, развивавшейся во II тыс. до н.э. на тихоокеанском побережье, каменная скульптура была несвойственна; изваяния появляются лишь в XII–XI вв. до н.э., в эпоху возвышения центра Охо-де-Агуа, очевидно, под влиянием контактов с Ольманом⁴⁴. В среднеформативную фазу, когда в Ольмане доминировала Ла-Вента (около 1000–450 гг. до н.э.), появляется новый тип монументальной скульптуры – стелы⁴⁵. Однако на тихоокеанском побережье в Ла-Бланке, сменившей Охо-де-Агуа в качестве регионального центра-гегемона в начале I тыс. до н.э., стелы не воздвигаются. Ранние стелы с антропоморфными изображениями распространяются в Чьяпасе и на тихоокеанском побережье (Цуцукли, Падре-Пьедра, Ла-Уньон, Абах-Такалик и др.) во второй половине среднеформативной фазы (VI – середина IV в. до н.э.).

Предложенные выше трактовки семантики рельефов из Шока и Пихихиапана вкупе с их местоположением предполагают их связь с ритуальными практиками, отличными от тех, которые были связаны с воздвижением стел в среднеформативных вождеских центрах. Ядром концепции стелы была идея обновления власти правителя в ходе календарных церемоний⁴⁶, которые происходили в искусственном ландшафте ритуально-политического центра. В противовес, изображение покровителя плодородия на удаленной от поселений скале в Шоке, вероятно, было связано с мифом о происхождении маиса. Скальные выходы в Пихихиапане, очевидно, были священным природным местом, куда вожди приходили для проведения церемоний получения или подтверждения власти от местной богини или женщины-прапредка.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев, Д.Д. 2012а: Еще раз к вопросу о социально-политической организации ольмекской культуры. В кн.: Н.Н. Крадин (ред.), Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции. Владивосток, 3–29.
- Беляев, Д.Д. 2012б: Под сенью Птичьего Божества: формирование идеологии царской власти на Гватемальском нагорье в I тыс. до н. э. *Ойкумена* 3, 8–22.
- Беляев, Д.Д. 2019: Начальные этапы политогенеза на Тихоокеанском побережье юго-восточной Мезоамерики. В кн.: Г.Г. Ершова (отв. ред.), *IX Кнорозовские чтения: Древние цивилизации Старого и Нового Света*. М., 69–92.
- Беляев, Д.Д. 2021: «Пузатые скульптуры» и культ предков на тихоокеанском побережье Юго-Восточной Мезоамерики в позднеформативный период (IV в. до н.э. – I в. н.э.). *ПИФК* 2, 7–30.
- Березкин, Ю.Е., Дувакин, Е.Н. б.г.: Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>.
- Давлетшин, А.И. 2006: Символы власти в ранней юго-восточной Мезоамерике: текст и иконография на стеле 5 из Абах-Такалика, Гватемала. В кн.: А.А. Бородатова, В.А. Тишков (отв. ред.), *Власть в аборигенной Америке*. М., 148–172.

⁴³ Беляев 2012; 2019.

⁴⁴ Беляев 2019, 84–85.

⁴⁵ Беляев 2012, 19.

⁴⁶ Кнорозов 1963, 12–13; Stuart 2010, 286–287.

- Дэвлет, Е.Г. 2000: Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки. М.
- Ершова, Г.Г. 2000: Фрай Диего де Ланда (Биографическая повесть). Древние майя: уйти, чтобы вернуться (Истоки представлений о модели мира). М.
- Кнорозов, Ю.В. 1963: *Письменность индейцев майя*. М.–Л.
- Хохрякова, С.А., Фахри, А.И. 2017: Об элементах ольмекской иконографии в монументальных памятниках Мексики и Гватемалы. *ПИФК* 3, 283–297.
- Blom, F., Duby, G. 1957: *La selva lacandona*. Vol. 2. Mexico.
- Boggs, S.H. 2011: “Olmec” Pictographs in the Las Victorias Group, Chalchuapa Archaeological Zone, El Salvador. In: J.M. Weeks, J.A. Hill (comp.), *The Carnegie Maya III. The Carnegie Institution of Washington Maya Research Program, 1913–1957*. Boulder, 407–410.
- Cyphers Guillen, A. 1982: The Implications of Dated Monumental Art from Chalcatzingo, Morelos, Mexico. *World Archaeology* 13, 382–393.
- Ekholm-Miller, S. 1973: *The Olmec Rock Carving at Xoc, Chiapas, Mexico*. Provo.
- El bajorrelieve de Xoc, en el Museo Nacional de Antropología. *Arqueología Mexicana* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arqueologiamexicana.mx/mexico-antiguo/el-bajorrelieve-de-xoc-en-el-museo-nacional-de-antropologia>
- Graham, J. 1982: Antecedents of Olmec Sculpture at Abaj Takalik. In: A. Cordy-Collins (ed.), *Pre-Columbian Art History: Selected Readings*. Palo Alto, 7–22.
- Grove, D. 1968: Chalcatzingo, Morelos, Mexico: A Reappraisal of the Olmec Rock Carvings. *American Antiquity* 33, 486–491.
- Grove, D. 2000: Faces of the Earth at Chalcatzingo, Mexico: Serpents, Caves, and Mountains in Middle Formative Period Iconography. *Studies in the History of Art* 58, 276–295.
- Guernsey, J. 2012: *Sculpture and Social Dynamics in Preclassic Mesoamerica*. Cambridge.
- Guernsey, J. 2020: *Human figuration and fragmentation in Preclassic Mesoamerica: from figurines to sculpture*. Cambridge.
- Inomata, T., Fernandez-Diaz, J.C., Triadan, D. et al. 2021: Origins and spread of formal ceremonial complexes in the Olmec and Maya regions revealed by airborne lidar. *Nature Human Behaviour* 5, 1487–1501.
- Joralemon, D. 1971: *A Study of Olmec Iconography*. Washington.
- Lowe, G. 1994: Comunidades de Chiapas relacionadas con los Olmecas. In: J.E. Clark (ed.), *Los Olmecas en Mesoamérica*. México, 113–127.
- Miles, S. 1965: Sculpture of the Guatemala-Chiapas Highlands and Pacific Slopes, and Associated Hieroglyphs. In: *Handbook of Middle American Indians*. Vol. 2. *Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin, 237–275.
- Miller, M.E. 2019: *The Art of Mesoamerica. From Olmec to Aztec*. London.
- Navarrete, C. 1969: Los relieves olmecas de Pijijiapan, Chiapas. *Anales de Antropología* VI, 183–195.
- Navarrete, C. 1974: *The Olmec Rock Carvings at Pijijiapan, Chiapas, Mexico and Other Olmec Pieces from Chiapas and Guatemala*. Provo.
- Orrego Corzo, M., Schieber de Lavarreda C. 2001: Compendio de monumentos expuestos en Tak'alik Ab'aj. En: J.P. Laporte, A.C. Suasnívar y B. Arroyo (eds.), *XIV Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 2000*. Guatemala, 786–806.
- Paredes, F. 2014: La Zona Nuclear de las Cabezas de Jaguar durante el Preclásico tardío. *Identidades. Revista de ciencias sociales y humanidades* 8, 153–169.
- Parsons, L.A. 1986: *The Origins of Maya Art: Monumental Stone Sculpture of Kaminaljuyu, Guatemala and the Southern Pacific Coast*. Washington.
- Stuart, D. 2010: Shining Stones: Observations on the Ritual Meaning of Early Maya Stelae. In: J. Guernsey, J.E. Clark, B. Arroyo (eds.), *The Place of Stone Monuments: Context, Use and Meaning in Mesoamerica's Preclassic Tradition*. Washington, 283–298.
- Taube, K. 1996: The Olmec Maize God: The Face of Corn in Formative Mesoamerica. *Res: Anthropology and Aesthetics* 29/30, 39–81.
- Taube, K. 2004: *Olmec Art at Dumbarton Oaks*. Washington.

- Wolley, C. 2002: Compendio de petrograbados y monumentos con depresiones de Tak'alik Ab'aj (antes Abaj Takalik). In: J.P. Laporte, H. Escobedo, B. Arroyo (eds.), *XV Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 2001*. Guatemala, 365–377.

REFERENCES

- Belyaev, D.D. 2012a: Eshche raz k voprosu o sotsial'no-politicheskoy organizatsii ol'mekskoy kul'tury [Once again on the issue of socio-political organization of the Olmec archaeological culture]. In: N.N. Kradin (ed.), *Politicheskaya antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshchestv: materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Political Anthropology of Traditional and Contemporary Societies: Proceedings of the International Conference]*. Vladivostok, 3–29.
- Belyaev, D.D. 2012b: Pod sen'yu Ptich'ego Bozhestva: formirovanie ideologii tsarskoy vlasti na Gvatemal'skom nagor'e v I tys. do n.e. [Under the aegis of the Principal Bird Deity: formation of the ideology of royal power in the Guatemalan Highlands in the 1st mil. BC]. *Oykumena [Oecumene]* 3, 8–22.
- Belyaev, D.D. 2019: Nachal'nye etapy politogeneza na Tikhookeanskom poberezh'e yugo-vostochnoy Mezoameriki [Initial stages of politogenesis on the Pacific Coast of Southeastern Mesoamerica]. In: G.G. Ershova (ed.), *IX Knorozovskie chteniya: Drevnie civilizatsii Starogo i Novogo Sveta [9th Knorozov Readings: Ancient Civilizations of the Old and New World]*. Moscow, 69–92.
- Belyaev, D.D. 2021: “Puzatye skul'ptury” i kul't predkov na tikhookeanskom poberezh'e Yugo-Vostochnoy Mezoameriki v pozdneformativnyy period (IV v. do n.e. – I v. n.e.) [Potbelly sculptures and ancestor worship on Pacific Coast of Southeastern Mesoamerica in the Late Formative (400 BC – AD 100)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 2, 7–30.
- Berezkin, Yu.E., Duvakin, E.N. n.d.: *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klornomifologicheskikh motivov po arealam: Analiticheskiy katalog [World mythology and folklore: thematic classification and areal distribution of motifs. Analytical catalogue]*, <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>
- Blom, F., Duby, G., 1957: *La selva lacandona*. Vol. 2. Mexico.
- Boggs, S. H. 2011: “Olmec” Pictographs in the Las Victorias Group, Chalchuapa Archaeological Zone, El Salvador. In: J.M. Weeks, J.A. Hill (comp.), *The Carnegie Maya III. The Carnegie Institution of Washington Maya Research Program, 1913–1957*. Boulder, 407–410.
- Cyphers Guillen, A. 1982: The Implications of Dated Monumental Art from Chalcatzingo, Morelos, Mexico. *World Archaeology* 13, 382–393.
- Davletshin, A.I. 2006: Simvoly vlasti v ranney yugo-vostochnoy Mezoamerike: tekst i ikonografiya na stele 5 iz Abakh-Takalika, Gvatemala [Symbols of power in Early Southeastern Mesoamerica: text and image on Abaj-Takalik Stela 5, Guatemala]. In: A.A. Borodatova, V.A. Tishkov (eds.), *Vlast' v aborigennoy Amerike. Problemy indeanistiki [Power in Aboriginal America. Problems of Native American Studies]*. Moscow, 148–172.
- Devlet, E.G. 2000: *Khudozhestvennyye izdeliya iz kamnya indeytsev Tsentral'noy Ameriki [Pre-Columbian stone artworks of Central American Indians]*. Moscow.
- Ekholm-Miller, S. 1973: *The Olmec Rock Carving at Xoc, Chiapas, Mexico*. Provo.
- El bajorrelieve de Xoc, en el Museo Nacional de Antropología. *Arqueología Mexicana*, <https://arqueologiamexicana.mx/mexico-antiguo/el-bajorrelieve-de-xoc-en-el-museo-nacional-de-antropologia>
- Ershova, G.G. 2000: *Fray Diego de Landa (Biograficheskaya povest')*. *Drevnie maya: uyti, chtoby vernut'sya (Istoki predstavleniy o modeli mira) [Fray Diego de Landa (A biographical Novel). Ancient Maya: Leave to Return (The Origins of Ideas about the Structure of the World)]*. Moscow.

- Graham, J. 1982: Antecedents of Olmec Sculpture at Abaj Takalik. In: A. Cordy-Collins (ed.), *Pre-Columbian Art History: Selected Readings*. Palo Alto, 7–22.
- Grove, D. 1968: Chalcatzingo, Morelos, Mexico: A Reappraisal of the Olmec Rock Carvings. *American Antiquity* 33, 486–491.
- Grove, D. 2000: Faces of the Earth at Chalcatzingo, Mexico: Serpents, Caves, and Mountains in Middle Formative Period Iconography. *Studies in the History of Art* 58, 276–295.
- Guernsey, J. 2012: *Sculpture and Social Dynamics in Preclassic Mesoamerica*. Cambridge.
- Guernsey, J. 2020: *Human figuration and fragmentation in Preclassic Mesoamerica: from figurines to sculpture*. Cambridge.
- Inomata, T., Fernandez-Diaz, J.C., Triadan, D. et al. 2021: Origins and spread of formal ceremonial complexes in the Olmec and Maya regions revealed by airborne lidar. *Nature Human Behaviour* 5, 1487–1501.
- Joralemon, D. 1971: *A Study of Olmec Iconography*. Washington.
- Khokhryakova, S.A., Fakhri, A.I. 2017: Ob elementakh olmekskoy ikonografii v monumentalnykh pamyatnikakh Meksiki i Gvatemaly [On elements of Olmec iconography in rock art sites in Mexico and Guatemala]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 283–297.
- Knorozov, Yu.V. 1963: *Pismennost' indeytsev maya* [The Writing of the Maya Indians]. Leningrad.
- Lowe, G. 1994: Comunidades de Chiapas relacionadas con los Olmecas. In: J.E. Clark (ed.), *Los Olmecas en Mesoamérica*. México, 113–127.
- Miles, S. 1965: Sculpture of the Guatemala-Chiapas Highlands and Pacific Slopes, and Associated Hieroglyphs. In: *Handbook of Middle American Indians*. Vol. 2. *Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin, 237–275.
- Miller, M.E. 2019: *The Art of Mesoamerica. From Olmec to Aztec*. London.
- Navarrete, C. 1969: Los relieves olmecas de Pijijiapan, Chiapas. *Anales de Antropología* VI, 183–195.
- Navarrete, C., 1974: *The Olmec Rock Carvings at Pijijiapan, Chiapas, Mexico and Other Olmec Pieces from Chiapas and Guatemala*. Provo.
- Orrego Corzo, M., Schieber de Lavarreda C. 2001: Compendio de monumentos expuestos en Tak'alik Ab'aj. En: J.P. Laporte, A.C. Suasnívar y B. Arroyo (eds.), *XIV Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 2000*. Guatemala, 786–806.
- Paredes, F. 2014: La Zona Nuclear de las Cabezas de Jaguar durante el Preclásico tardío. *Identidades. Revista de ciencias sociales y humanidades* 8, 153–169.
- Parsons, L.A. 1986: *The Origins of Maya Art: Monumental Stone Sculpture of Kaminaljuyu, Guatemala and the Southern Pacific Coast*. Washington.
- Stuart, D. 2010: Shining Stones: Observations on the Ritual Meaning of Early Maya Stelae. In: J. Guernsey, J.E. Clark, B. Arroyo (eds.), *The Place of Stone Monuments: Context, Use and Meaning in Mesoamerica's Preclassic Tradition*. Washington, 283–298.
- Taube, K., 1996: The Olmec Maize God: The Face of Corn in Formative Mesoamerica. *Res: Anthropology and Aesthetics* 29/30, 39–81.
- Taube, K. 2004: *Olmec Art at Dumbarton Oaks*. Washington.
- Wolley, C. 2002: Compendio de petrograbados y monumentos con depresiones de Tak'alik Ab'aj (antes Abaj Takalik). In: J.P. Laporte, H. Escobedo, B. Arroyo (eds.), *XV Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 2001*. Guatemala, 365–377.

MIDDLE FORMATIVE (1000–350 BC) ROCK CARVINGS FROM CHIAPAS
(SOUTHEASTERN MESOAMERICA)

Dmitriy D. Belyaev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

E-mail: lakamha@mail.ru

Olmec-style rock relief carvings dated to the Middle Formative (1000–350 BC) that can be found in Chiapas, Mexico – Xoc relief (Tzaconeja River valley, Department of Ocosingo) and rock carvings at Pijijiapan on Chiapas Pacific Coast – represent unusual forms of early monumental art from Southeastern Mesoamerica. They were situated in the natural environment, far from the settlement area, and not in the centers of the Middle Formative chiefdoms and communities. Xoc relief represents a supernatural figure carrying the bundle with maize stalk and corncobs and could be related to pan-Mesoamerican motif of the origins of the maize hidden within the rock. Pijijiapan carvings contain various motifs; the central one seems to be that of receiving the right to the power from the local female deity or feminine ancestor. Taking into the account their placement, suggested interpretations of the semantics of Xoc and Pijijiapan carvings probably indicate that they were related to the ritual practices different from those known from archaeological records from Middle Formative ritual and political centers like Chiapa de Corzo, La Libertad, La Blanca, Naranja, Kaminaljuyu, Ceibal etc. The central idea of the stela concept was the renovation of the chiefly power in the course of the calendrical ceremonies realized within the artificial landscape. It is possible that the image of the supernatural master of the maize carved on the Xoc cliff was used for the adoration by wider cultural group that single chiefdom or community. Rock outcrops at Pijijiapan probable were a sacred natural locality that chiefs were visiting for power-receiving ceremonies.

Keywords: Mesoamerica, Middle Formative, rock carvings, ancestor worship, ethnosemiotics

Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. 2023

Сдано в набор 13.05.2023. Подписано в печать 15.06.2023.

Дата выхода 30.06.2023.

Формат 70x1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.